

Пушкин Н. С.
1850 со с. Р

1984

1-6 ИЮН 1984

Комсомольская правда
г. Москва

«И Я БЫ мог, как шут... Недописанная строка преследовала воображение. Повторялась на листах тетрадей. На страницах только что вышедшего в русском переводе «Айвенго». Не раз рядом с рисунком: виселица, пятеро казненных. Декабристы. Друзья. 1826 год...

«И я бы мог...» Но что? Исследователи терялись в догадках. Оказаться на виселице — так считали почти все толкователи поэтического текста. В крепости, на каторге? Того горше — испытать гражданскую смерть изгнанника? Каждую из судеб можно было примерить к себе. Но для каждой упоминание о шуте необъяснимо.

И новая, недавно возникшая гипотеза: все дело в XXVII главе романа Вальтера Скотта. Не знающий страха самоотверженный шут Вамба проникает в лагерь врагов, чтобы вырвать Седрика Саксона. Он находит способ смягчить сердца палачей и хочет единственной награды от спасенного — воли для провинившегося ослушника-раба. «И я бы мог...»

В литературных произведениях декабристов родился образ поэта-трибуна, всем бунтующим существом своим не принимающего насилия над человеком, деления мира на всемогущих и бесправных. «Мы не знали эгоизма», — скажет о своем времени М. И. Муравьев-Апостол. Последний раз неразгаданная пушкинская строка повторится в июле 1827 года — годовщину казни декабристов рядом со стихами «Ариона»: «Нас было много на челне... Лишь я, таинственный певец, на берег выброшен грозою». Помощь друзьям невозможна. Но вера жива: «Я гимны прежние пою».

Началом всему был Лицей. Дверь с номером 14 и надписью: «Пушкин». Железная, обтянутая парусиной кровать, конторка, стул, комод, прибор для умывания. «Моя студенческая келья...» Он до конца не станет искать ни роскоши, ни особых удобств. В той единственной, на три окна, комнате, где замкнется жизнь зимнего Михайловского, достаточно некрашеного стола, пары стульев, полки с книгами, подпертой поленом вместо давно сломавшейся ножки кровати.

И как хорошо, что не дотянется до потолка перегородка между «кельями», не мешая ночным беседам с номером 13 — Иваном Пущиным. Вспоминая о юности, Пушкин скажет: «Жизнь наша лицейская сливается с политической эпохой народной жизни русской».

Уроки французской словесности у брата самого Марата, переименованного по «высочайшему дозволению» в де Будри. Литературный кружок в доме учителя рисования С. Г. Чирикова. Профессор политических наук, выдающийся русский юрист А. П. Куницын. Его не уставал благодарно вспоминать поэт. Конечно же — поэт, уже тогда, в ранние лицейские годы.

Занятия в классах не говорили ни о прилежности, ни об успехах. Но окружающие понимали — для Александра Пушкина не в них главное:

«Нам всем надобно соединиться, чтобы помочь вырасти этому будущему гиганту». Нам — литераторам. Министр просвещения высказывал пожелание обратить юношу к прозе. Державин возражал: «Оставьте его поэтом».

Александр I думал о совмещении просвещения и благонамеренности. Просвещение могло быть умеренным, благонамеренность — безусловной. Первые достижения монаршего слуха вольнодумные стихи вчерашнего лицеиста вызвали взрыв. Весной 1820 года император принимает решение сослать Пушкина в Сибирь. В лучшем случае на Соловецкие острова. Но просьбы Н. М. Карамзина перед царским статс-секретарем графом И. Каподистрия увенчиваются успехом.

ВСЕГДА МОЛОД

Сегодня исполняется 185 лет со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина

Случайным? Для Александра I — да, для Каподистрия — нет. Через два года граф покинет Россию из-за разногласия с императором в политических вопросах. Еще через пять лет станет президентом освобожденной Греции. Север удастся заменить югом, ссылку — «служебным переводом».

Для самодержца толпа благонамеренных не значила ничего по сравнению с бунтом одного. Поэта. Пушкина. Александр I не замедлит обратить внимание на «гнездо разврата». Первая жертва — А. П. Куницын. Его отстранят от преподавания. Разве не о нем директор лицея писал В. К. Кюхельбекеру: «Куницын на кафедре беспрестанно говорил против рабства и за свободу». Куницын — участник ранних декабристских организаций и учитель декабристов — они слушали его лекции в частных собраниях 1816 — 1820 годов. «Он создал нас, он воспитал наш пламень, им чистая лампада возжена».

Вторая жертва — Е. А. Энгельгардт. Директор. «Запрещается воспитанникам кричать на служителей и бранить их, хотя бы они были крепостные люди», — из введенных им правил внутреннего распорядка Лицея. Когда камердинер вынесет из кареты смертельно раненного поэта, Пушкин спросит: «Грустно тебе нести меня?».

Энгельгардту было поставлено в вину многое, прежде всего настойчивая просьба о великодушии к находившемуся в Южной ссылке бывшему питомцу. В 1822 году директора увольнят в отставку.

Третье — реорганизация Лицея. С того же года он станет одним из военных учебных заведений. Император согласится с доносом Булгарина: «Либерализм укоренился в Лицее в самом мерзком виде». Пушкин стал воплощением лицейского духа.

НА ПЕРВЫЙ взгляд, ссылка не угнетала. Ей посвящены сотни исследований. Вдохновение отдельных строк. Веселые выдумки. Ревность генерал-губернатора новороссийского М. С. Воронцова. Хоровод женских имен — так ли существенно его разгадывать, пополнять?

Политический сыск не интересовал увлечениями Пушкина, не признавал смягчающих обстоятельств возраста и не ошибался. За рябью кажущейся суеты скрывалась напряженная работа ума. В перехваченном письме Вяземскому Пушкин признается: единственный интересный для него человек — атеист-англичанин, с которым нельзя не согласиться: «Не может быть существа разумного, творца и правителя» — бога.

«Избавьте меня от Пушкина», — просит генерал-губернатор у министра иностранных дел. Вывод поэта, что атеизм «система не столь утешительная... но к несчастью более правдоподобная», решит его судьбу. Пушкина на этот раз исключат из Министерства иностранных дел. За увольнением последует формальная ссылка — под надзор, в Михайловское. Подальше от столиц, от молодежи. Трибун без слушателей...

На следствии декабристы станут повторять один за другим: история и политика для них неотделимы. Без истории нельзя воспитать гражданские чувства, воспитать способного к активным действиям патриота. Пушкин еще категоричнее в своих выводах: «Дикость, подлость и невежество не уважают прошедшее, пресмыкаясь перед одним настоящим». Подвиг Н. М. Карамзина, создавшего многотомную «Историю государства Российского», был ответом той же потребности времени. Факты, удостоверенные источниками, документы, научная объективность. И ожесточеннейшие споры.

«История принадлежит царям» — по убеждению Карамзина. История принадлежит только народу — утверждают декабристы. В «Ворисе Годунове», к которому обратится в Михайловской ссылке Пушкин, народ окажется главным действующим лицом, отрешенно и враждебно наблюдавшим за водоворотом страстей у трона.

Идиллия сельской жизни, радостного творчества будет рисоваться одним потомкам. Да, в ссылке написано много. В работе был смысл жизни, но ее сверхзадача заключалась еще и в другом. Когда почти одновременно с известием о казни декабристов придет известие о смерти Амалии Ризнич, все еще волновавшей воображение, поэт признается: «Для сладкой памяти невоз-

вратимых дней не нахожу ни слез, ни пени». Развевшиеся мечты молодости ничто рядом с трагедией Сенатской площади. «Мне было не до себя» — слова о тех страшных годах. Но и о всех остальных.

ВЕРША суд над декабристами, Николай I охотно присоединил бы к ним Пушкина. Посланный в июле 1826 года на Псковщину агент III Отделения должен собрать сведения о поэте. Любю не благоприятный позор — и на почтовой станции Бежаницы ждет фельдшер с открытым листом на арест.

Арест не состоялся. Фельдшер понадобится, чтобы доставить Пушкина в Москву, для «примирения» с новым императором. Поэт возвращен на службу в Министерство иностранных дел — так спокойной правительству. Николай I сам взялся быть его цензором — по крайней мере, никаких апелляций на высочайшее имя. А между тем в III Отделении уже «Дело об Андрее Шенье». Пушкинский перевод распространялся в списках под заголовком «На 14 декабря». Особая комиссия, позже Государственный совет будут решать степень вины переводчика — на это понадобится два года.

В 15 лет он напишет первые вольнолюбивые строки — пролог к политической лирике: «Кипит в груди свобода...» В двадцать семь взорвется в адрес самодержца строками: «Пей нашу кровь, живи, губя, ты все пигмей, пигмей ничтожный». И это под угрозой тянувшегося следствия, под нерассеивающейся тенью виселицы. Для него невозможен — даже на время, даже для самых достойных целей — общий язык с тем, кто способен попирать человеческое достоинство и свободу.

Александр I карал за любое проявление вольнодумства. Николай I карал и поучал. Он точно знал, какое искусство мог допустить в своей империи. «Бориса Годунова» следовало превратить в приключенческий роман. «Медного Всадника» запретить для печати (поэма увидит свет только после смерти поэта), исторические увлечения ограничить. Формально разрешенная «История Пугачева» ляжет тяжелым бременем на жизнь поэта: его жалование по службе будет удерживаться в счет погашения ссуды от казны для публикации книги. Средства воздействия — от прямой цензуры до материальных тисков — в николаевской системе было достаточно. «Писать книги для денег, видит бог, не могу», — откликнется Пушкин.

В ЮНОСТИ Вяземский назвал его будущим гигантом. А. А. Бестужев-Марлинский — Прометеем: «Новый Прометей, он похитил небесный огонь и, обладая оным, своенравно играет сердцами». Огонь проникновения в человеческие чувства, поэтических откровений и неустанный поиск нового языка форм, огонь гражданского смысла каждой отдельной человеческой жизни. И годы — не помеха этому огню.

Нина МОЛЕВА.